

Юрий Цветков

ДВОРЕЦ ПАМЯТИ

Юрий Цветков
Дворец памяти

«Автор»

2026

Цветков Ю. А.

Дворец памяти / Ю. А. Цветков — «Автор», 2026

«Дворец памяти» — это научно-фантастический детектив - ироничный, интеллектуальный и пугающе правдоподобный. Технологии здесь описаны с педантичной достоверностью, а герои — живые люди, а не маски. Без однозначных злодеев, без хэппи-энда в голливудском смысле. Зато с настоящим научным парадоксом, который остаётся с читателем после последней страницы. Что происходит, когда чужие мысли становятся твоими собственными? Можно ли остаться собой, если твой мозг — поле битвы? И есть ли предел у человеческой воли, когда против неё играют сами законы квантовой физики? Для тех, кто верит, что наука не делает человека лучше — только совершеннее в своём стремлении уничтожить себе подобного.

© Цветков Ю. А., 2026

© Автор, 2026

Юрий Цветков

Дворец памяти

Дворец памяти.

Глава 1. «Лабиринт».

Небоскрёб «Аль-Бурдж-Нур» в Дубае возвышался над пустыней как гигантский палец, указующий на небеса, где его владельцы – «Группа десяти» – намеревались водрузить свои частные созвездия. Сто двадцать восьмой этаж был вырублен из цельного куска чёрного базальта, доставленного из карьера на обратной стороне Луны. Считалось, что лунный камень придаёт совещаниям космическую весомость и напоминает участникам о том, что Земля – всего лишь одна из планет, которую можно – и нужно – контролировать. Пол под ногами был тёплым, воздух – стерильным, с привкусом озона и дорогого французского парфюма, которым служащие опрыскивали вентиляционные решётки каждое утро.

В центре зала – стол из того же чёрного камня, длиной двенадцать метров, без единого стыка. Вокруг – кресла из чёрной кожи, спроектированные так, чтобы спина сидящего оставалась прямой, а мозг – в тонусе. На стене – логотип «Лабиринта»: стилизованная колонна, разорванная посередине и переходящая в спираль ДНК. Девиз на латыни: «Nemo exit» – «Никто не выходит». Официально это означало сохранение тайны, неофициально – напоминание о том, что покинуть организацию можно только в горизонтальном положении.

«Лабиринт» был детищем десяти семейств, чьи корни уходили в старые банкирские дома Европы и новые технологические империи Америки. Ротшильд-Грей, Саксен-Кобург, Вандербильт-Цукерберг, Слим-Шмидт – эти имена не появлялись в газетах уже полвека, но именно они определяли, какие прорывные технологии увидят свет, а какие навсегда останутся в глубоких подвалах. Формально ни один из кланов не был аффилирован с Атлантическим договором – объединением США, Канады и Европы, – но каждый имел тёплые отношения с разведками западного полушария. Атлантический договор, или АД, как его называли в узких кругах, был главным геополитическим конкурентом Евразийского альянса, куда вместе с Китаем и Индией входила Россия, и «Группа десяти» видела свою миссию в том, чтобы обеспечить технологическое превосходство Запада в обход демократических процедур, которые – как они искренне полагали – только мешают прогрессу. Человечество изобрело тысячи способов наблюдения, но ни одного – чтобы заглянуть в голову миллиардера, чей личный космический корабль припаркован на окологорной орбите. Для «Группы десяти» границы отдельных стран были такой же условностью, как линии созвездий на карте звёздного неба. А законы – досадной помехой, вроде аллергии на устриц: приятно, когда её нет, но если она есть, всегда можно принять таблетку в виде лоббируемого исключения или, в крайнем случае, купить остров с собственной юрисдикцией. Задолго до того, как интернет назвали «сетью», настоящие сети плелись в душах сильных мира сего. Тамплиеры, венецианские купцы, Ост-Индская компания, масонские ложи – все они были лишь репетициями. «Лабиринт» был премьерой, на которую не продавали билетов. Ибо главный закон мироздания, который эти десять семейств усвоили на генетическом уровне, гласил: демократия – превосходная система для распределения налогов и ссод из-за парковочных мест, но для настоящего прогресса, для прорывных открытий, для права решать, кому жить, а кому бесследно исчезнуть, – нужна тишина. Тишина в залах, где стены из лунного базальта, а девиз на латыни не требует переводов. И горе тем наивным идеалистам, которые полагали, что тайные общества умерли вместе с рукописными циркулярами. Они просто сменили бумагу на голограмму, а маски – на корпоративную этику.

Совещание, как всегда, началось минута в минуту. Адам Странк, исполнительный директор «Лабиринта», сидел во главе стола, разглядывая свои безупречные манжеты. Подтянутый до скрипа сухожилий, с идеальной осанкой бывшего пловца, в костюме, сшитом из фланели цвета индиго. Ему было шестьдесят три, выглядел он на пятьдесят, а память имел на сорок, – то есть ничего не забывал, включая суммы, потраченные на кофе для сотрудников.

– Я не люблю отрывать вас от дел, – произнёс он, когда последний участник прошел идентификацию, – но ситуация требует. Крис, вам слово.

Крис Андерсон, начальник внешней разведки «Лабиринта» напрягся в кресле. Это был человек сухой, высокий, с длинными пальцами, которые у него складывались в «домик», когда он слушал. Психотип его личности требовал порядка, фактов и полного отсутствия эмоций. До прихода в «Лабиринт» Андерсон работал в М15, откуда был уволен за излишнюю инициативу: он организовал прослушку кабинета собственного директора, «чтобы знать, о чём он думает». Директор думал об увольнении Андерсона.

– Наши источники в Санкт-Петербурге и Новосибирске подтверждают, – начал он, – русские вышли на финишную прямую в создании двигателя на квантовых точках. Рабочая модель должна быть готова в течение восемнадцати месяцев. Разработку ведет концерн «Заслон». Руководитель и мозг проекта – доктор Андрей Барков.

– Барков, – задумчиво произнесла Эйжа Уилсон, директор аналитического центра «Лабиринта». – Тот самый, который в двадцать девять лет стал доктором наук? Она саркастически усмехнулась. Черты её лица были аристократичны и строги: высокие скулы, безупречный овал, прямой нос и тонкие, плотно сжатые губы. Её взгляд цвета холодного серебра или осеннего неба, был остёр и цепок, и не упускал ни единой детали. Светлые волосы были собраны в тугую, безупречно гладкий узел на затылке. Макияж — минималистичный арсенал статуса: матовый тон без единого изъяна, чуть тронутые скулы бронзером да прозрачный блеск для губ — ничего лишнего. Ничего, что могло бы отвлечь коллег и подчиненных от её слов. Её ум был холодным, как жидкий гелий, и она терпеть не могла, когда кто-то знал то, чего не знала она.

– Который отказался от гранта Гарварда, потому что «не хотел менять широту на долготу»? – продолжала она. Я собирала на него досье. Правда, информации немного. Она вывела на голограмму ряд строчек и изображение лица молодого человека: высокий, чуть покатым лоб, на котором время ещё не успело проложить морщин, но уже наметило глубокие вертикальные складки между бровей — следствие долгих размышлений. Нос с лёгкой горбинкой придавал профилю породистость, а жёстко очерченные скулы создавали ту самую «волевою архитектуру», что всегда отличала потомственных русских интеллигентов. Короткая причёска и чисто выбритое лицо подчёркивали ювелирную точность каждой черты, а твердый взгляд смотрел на мир пристально, как на разобранный механизм часов.

«Андрей Барков (45 лет.) – начальник лаборатории космических систем АО «Заслон». Гениальный физик. Феноменальная память. Любит решать шахматные задачи в уме. Одержим наукой. Мотивация: - защита приоритета России в разработке космических двигателей, стремление к лидерству, здоровое честолюбие, желание известности в научном мире. Чувствителен к эпистемической несправедливости – когда его аргументы отвергают без рассмотрения. Уязвим для интеллектуальной лести».

– Кроме того, нам известно, – продолжала Эйжа, – что Барков хранит в голове ключевые алгоритмы управления квантовыми точками – они не записаны на носители в целях секретности. Барков использует мнемоническую технику «дворец памяти» для хранения формул. Любой перехват требует контакта с его мозгом. Информация, необходимая для работы его сотрудников надежно защищена новейшими криптографическими методами с использованием мировых констант на квантовых компьютерах, поэтому доступ к ней извне невозможен.

– Мне досье не нужно, – отозвался на слова Эйжи Пол Мэндел, директор направления космической техники. – Мне нужно знать, что именно делает этот Барков. И насколько это опасно.

Мэндел был выходцем из NASA, где проработал двадцать лет, пока бюджетное сокращение не превратило его отдел в группу по написанию поздравительных открыток астронавтам. Он носил дорогие костюмы, но чувствовал себя в них как рыба на велосипеде – потому что в душе оставался инженером. Говорил Мэндел басом, любил старые анекдоты про ракетные двигатели и искренне верил, что любую проблему можно решить графиком зависимости коэффициента полезного действия от температуры.

В ответ на его слова Адам Странк понимающе кивнул.

– Именно для этого здесь доктор Фернандес, – сказал он, переводя взгляд в сторону научного советника.

Рамон Фернандес встал. В его облике чувствовалась кровь юга: смуглая кожа, вьющаяся седина на висках и привычка поправлять узел галстука так, будто это была нежная ласка. Одевался Фернандес как профессор Болонского университета, у которого есть личная нефтяная вышка. Его брюки всегда имели безупречную стрелку, даже когда он сидел нога на ногу. Запонки с леопардовым принтом на эмали выдавали в нем охотника, замаскированного под профессора. В ЦЕРНе его любили за блестящие идеи и ненавидели за то, что он требовал финансирования на проекты, которые «предвосхищали будущее на сто лет» – то есть были абсолютно нереализуемы в настоящем. Из Европейского космического агентства его уволили после того, как он в интервью назвал руководство «стадом бабуинов, которые боятся собственных теней». Бабуины обиделись.

– Господа, – начал Фернандес, – то, что вы узнаете, вы должны выслушать до конца, прежде чем падать в обморок. Барков не просто сочинил двигатель. Он открыл новый класс физических взаимодействий.

Он театрально щёлкнул пальцами, и над столом вспыхнула голограмма.

Голограмма изображала массив светящихся точек, соединённых паутиной разноцветных линий, которые пульсировали в такт невидимому ритму. Точки были расположены не в реальном, а в каком-то гиперпространстве – их координаты менялись, когда зритель пытался сфокусироваться. Это было похоже на взгляд в калейдоскоп, который одновременно вращается и распадается на составляющие.

– Основная идея квантово-точечного транспозитного двигателя, – начал Фернандес, – принадлежит физикау Вонгу-Ярборо, который в 2124 г показал, что уравнение Шрёдингера для электрона в периодическом потенциале допускает решение с нулевым волновым вектором, но с многолистной волновой функцией, где амплитуды вероятности для разнесённых в пространстве точек оказываются когерентно связаны через подпространство параметра, названного метрической энтропией наблюдателя.

В квантовом двигателе эта идея перенесена на макроскопический объект (корабль) с помощью квантовых точек — искусственных атомов, выращенных в матрице монокристалла арсенида галлия с точностью до одного атома. Каждая квантовая точка обладает дискретным спектром; при облучении лазером с частотой, равной частоте Раби в сильном магнитном поле Биттера–Минькова, возникает резонанс, при котором электронная оболочка точки перестаёт локализоваться в реальном пространстве. Вместо этого её волновая функция «распухает» в абстрактном пространстве состояний, размерность которого равна числу точек. Подробнее: система из N точек описывается гамильтонианом Хаббарда с добавленным некоммутирующим членом Линде–Торна. Физически это означает, что массив квантовых точек «забывает» своё положение в пространстве-времени и оказывается одновременно во всех точках Вселенной, которые удовлетворяют условию изоспектральности с исходным местоположением.

Для практического перемещения корабля используют $5 \cdot 10^{23}$ квантовых точек, расположенных в виде додекаэдрической фуллерен-подобной структуры. При включении лазерной накачки с частотой 12.3 ГГц и напряжённостью поля 40 Тесла в течение 10^{-10} с система переходит в транспозитный режим. Математически: волновая функция корабля коллапсирует не в одну точку, а в континуум точек, каждая из которых является точкой назначения. В этот момент корабль не движется — он существует везде, но не воспринимаем нигде.

Затем подаётся второй импульс, который «гасит» все компоненты волновой функции, кроме одной — соответствующей желаемой точке прибытия. Этот процесс называется наблюдательной селекцией; он требует наличия на борту детектора квантовой запутанности, связанного с базой данных всех возможных положений наблюдаемых звёзд.

Классические гиперприводы страдают фундаментальным пороком: они пытаются изменить метрику пространства-времени, затрачивая энергию порядка массы Юпитера. Квантово-точечный транспозитный двигатель действует иначе. Он не искривляет пространство — он аннигилирует различие между здесь и там на уровне первичной квантовой топологии.

Барков использует неабелевы фазы голономии в сверхрешётках из квантовых точек селенида кадмия, легированных марганцем. Звучит как рецепт чёрной мессы, не так ли? Но это физика. Жестокая, точная и неизбежная.

Он увеличил один из узлов решётки. Внутри оказался маленький шарик, испещрённый золотыми прожилками.

– А нельзя ли попроще? – буркнул Мэндел.

Фернандес вздохнул с видом человека, которому предложили пересказать «Войну и мир» в твиттере.

– Попроще, Пол, это означает, что массив квантовых точек забывает, где он находится. Его волновая функция расплзается по всему пространству-времени, как пятно чернил по промокашке. Корабль, обмотанный таким массивом, перестаёт быть в одном месте. Он становится везде и нигде одновременно. А потом – вы «гасите» все компоненты волновой функции, кроме одной. Корабль материализуется в любой точке Вселенной. Мгновенно. Без инерции. С затратами энергии, не превышающих мощность вашего кофеварочного автомата.

– Сколько? – спросил, Мэндел не отрывая глаз от голограммы.

Фернандес назвал число. Мэндел замер.

– Это... это невозможно, – сказал он. – По закону сохранения...

– Закон сохранения – всего лишь локальное приближение, – усмехнулся Фернандес. – А Барков нашёл способ делать нелокальные трюки. Он использует когерентное туннелирование через мета-синаптический континуум. То есть расстояние в континууме схлопывается до 10^{-35} метра. Для любого расстояния от одного метра до десяти миллиардов световых лет. Барков заставил пространство не замечать расстояний.

– Это оружие, – тихо сказал Крис Андерсон. – Идеальное оружие.

Фернандес кивнул:

– Если у вас есть корабль с таким двигателем, вы можете в течение часа уничтожить флот противника в любой точке Солнечной системы, при этом ваш корабль будет физически находиться в районе Плутона. Вы не уязвимы, потому что вас нет там, где стреляют. Вы – везде. И нигде.

Я просмотрел публикации Баркова в закрытых источниках – те, которые перехватила наша разведка. Там есть ссылки на работы Во-Ярборо, которые считались чисто теоретическими. Барков не просто их подтвердил – он построил математический аппарат для практической реализации. Никакого ускорения, никаких перегрузок. Корабль просто... появляется в другом месте.

Эйжа сказала, пристально глядя на Фернандеса своим пронзительным взглядом: – Рамон, я читала те же перехваты. Насколько я поняла, у Баркова есть серьёзные проблемы с декоге-

ренцией – время когерентности его массива квантовых точек не превышает 10^{-10} секунды, а для практического использования нужно 10^{-6} . Он сам пишет об этом в заметках на полях. Может быть, вы переоцениваете угрозу?

– Эйжа, вы смотрите на цифры, но не замечаете тенденцию. Год назад время когерентности было 10^{-12} . За год он улучшил его в сто раз. Ещё через год доведёт до 10^{-8} , а там – вопрос инженерной доработки. И потом – вы пропустили главное. Барков нашёл способ обойти проблему декогеренции не увеличением времени, а фазовой синхронизацией на лету. В его последних расчётах есть уравнение, которое показывает, что при эффективном магнитном поле в 100 Тесла, которое достижимо на современных сверхпроводящих магнитах, время когеренции становится практически бесконечным для любых практических целей. Это уже не проблема – это решение. Барков решил задачу в уме. Осталось построить прототип. А в России есть и ресурсы, и заводы, и политическая воля. У них нет проблем с квантовыми вычислениями и через полтора года у них будет флот, против которого наше оружие будет выглядеть как праща против лазера.

Странк поднял руку, останавливая Фернандеса.

– Вопрос не в том, существует ли угроза, сказал он. – Вопрос в том, что мы должны с ней делать.

Я хочу услышать ваши мнения. Эйжа?

– Если Барков завершит разработку в указанные сроки – восемнадцать месяцев, – то через три года Россия получит флот из десяти-двадцати таких кораблей. Этого достаточно, чтобы установить контроль над орбитальным пространством Земли и Луны. Наши космические силы, базирующиеся на ионных двигателях и варп-прототипах, устареют мгновенно. «Атлантический договор» потеряет способность проецировать силу за пределы орбиты Земли. Через пять лет Россия может начать размещать военные базы на спутниках Юпитера – недосягаемые для нас.

– Значит, – подвел итог Странк, – мы имеем дело с экзистенциальной угрозой для Атлантического договора. Именно для предотвращения таких угроз «Группа десяти» и создала наш «Лабиринт». Мы тратим миллиарды на запрещённые исследования – генную модификацию, нейроимпланты прямого действия, оружие аннигиляции – чтобы быть на шаг впереди. Но если русские получат этот двигатель, все наши вложения станут пылью.

– Я думаю, всем нам понятно, – продолжал он, – мы не можем этого позволить. Наши спецслужбы должны разработать и предложить конкретный план того, как можно предотвратить создание такого двигателя в России.

Странк замолчал и вопросительно посмотрел на Андерсона, потом на Мэндела. Те согласно кивнули. После этого взгляды всех присутствующих обратились в одну и ту же точку.

Эрин Кейн, директор Центра оперативных операций «Авалон», до сих пор молчала. Она сидела в кресле с идеально прямой спиной, сложив руки на коленях. Её голубые глаза изучали присутствующих с выражением, которое можно было бы назвать дружелюбным, если не знать, что она тридцать лет обрывала жизни других людей с той же лёгкостью, с какой дети обрывают лепестки ромашки. Кейн была психологом по образованию, полевым агентом по призванию, а теперь – руководителем всех тайных операций «Лабиринта».

Внешне ей можно было дать сорок – атлетическая фигура, короткая стрижка, полное отсутствие макияжа. Но в глазах таилась та особая пустота, которую люди приобретают после двух десятков ликвидаций, завернутых в отчёты с формулировкой «несчастный случай». Она любила шпионскую романтику так, как вампир любит закат – ностальгически и без надежды на исцеление.

– Вы слышали, Эрин, – сказал Странк, – обращаясь к ней. – Готовьте операцию. Барков не должен построить свой двигатель в России. Он должен работать на нас. Как это сделать – на

ваше усмотрение. Операцию назовем «Эребус». Бог тьмы из древнегреческих мифов. Уместно, не находите?

– Вполне, – ответила Эрин. – Мне нужны сорок восемь часов на анализ. И полная свобода действий.

Странк посмотрел на голограммы членов «Группы десяти». Аватары – сгенерированные в целях секретности лица скрывающихся под ними людей – бесстрастно смотрели в зал. Один из них – изображение мужчины с благородной сединой и неестественно правильными чертами лица – произнёс:

– Свобода действий предоставляется. Научный совет уже дал добро. Они считают, что риск оправдан. Ваша задача – доставить Баркова живым и неповреждённым на одну из наших плавучих лабораторий. Предпочтительно в Северной Атлантике – там наши суда чувствуют себя увереннее, чем в других районах мирового океана. «Кентавр», лучше всего подходит для приёма высокоприоритетного «гостя». Впрочем, выбор плавучей базы – на ваше усмотрение.

Голограмма погасла. Остальные аватары последовали её примеру. Странк, казалось, облегченно вздохнул: – Благодарю, – сказал он, обращаясь ко всем присутствующим. – Решение принято. Через сорок восемь часов жду вашего доклада, Эрин.

Рассказчик позволил себе на секунду вмешаться в повествование: «В этом месте следовало бы сказать, что решения, принятые в фешенебельных небоскрёбах, редко бывают мудрыми. Но это было бы слишком просто. Они бывают логичными. А логика, как известно, – лучший способ прийти к абсурду. О чём Барков ещё не подозревал, раскладывая шахматную партию в своём „дворце памяти“...

Глава 2. «Дворец памяти».

Метод, который Барков называл «дворцом памяти», был уникальной архитектурой нервных импульсов, возведённой им за десятилетия упорного самообучения на руинах обычной человеческой памяти. Он мысленно вошёл в вестибюль «дворца». Пол здесь был из чёрного шлифованного мрамора, каждая плита которого символизировала компоненту метрического тензора. Стены — из чередующихся слоёв серебра и платины, на них были выгравированы граничные условия. Константа Планка была представлена пуфиком для ног — лёгким, необременительным, но без него никак. Скорость света — высокая мраморная колонна, уходящая в тусклую высь, с выгравированными цифрами 299 792 458. Гравитационная постоянная G — тяжёлый каменный шар, вмёрзший в пол, который нельзя сдвинуть с места; он и не нужен, он просто есть, напоминая о своём присутствии тяжёлым дыханием. Это было нечто большее, чем мысленные образы в обычном смысле. Нечто такое, от чего у нейробиологов XXI века пошли бы судороги по всей мозговой коре. Каждая абстракция здесь обладала весом, температурой, фактурой и даже запахом. Комната, в которой Барков держал уравнения квантовой хромодинамики, пахла озоном и раскалённым металлом. Коридор, ведущий к топологическим инвариантам, был выстлан скользким, холодным камнем, а воздух в нём дрожал от неслышимого гула.

Сегодня он решал задачу, не имевшую прямого отношения к текущим проблемам. Ему нужно было проверить сходимость в тринадцатимерном пространстве параметров ряда калибровочной группы $E_8 \times E_8$ — задачу, для которой классический суперкомпьютер потребовал бы трёх недель чистого времени. Барков открыл дверь и вошел в зал решений.

Каждая плитка мозаичного пола изображала комплексное число, и от того, куда ступала нога, зависела сходимость. Стены были покрыты графеном — это он придумал сам, чтобы гасить «паразитные» резонансы воображения. В центре зала висела сингулярность — маленький чёрный шар, окружённый дрожащими стрелками, обозначающими направления обхода. Неабелева голономия. Он подошёл к шару, протянул руку — и ощутил холод. Холод, который рождается в недрах чистой математики, когда она перестаёт быть игрой ума и становится физи-

кой. Барков знал: если он ошибётся в порядке обхода, сингулярность вывернется наизнанку, и вся конструкция рухнет, как карточный домик. Но он не ошибался.

Когда все обходы были завершены, он открыл глаза. На решение ушло ровно двенадцать минут реального времени. Внутреннее время — бесконечность. «Дворец памяти» снова доказал свою состоятельность: задача была решена, ряд сходился, сингулярность оставалась на месте. Барков потёр переносицу — лёгкая расфокусировка глаз была привычной платой за такие прогулки.

В углу комнаты, уже наяву, замигал индикатор биосинтезатора: кофе был готов. Но он не спешил. Впереди был целый час до прихода его команды, и он мог позволить себе ещё немного побыть в своём мире, где формулы пахнут, числа имеют вес, а горизонт событий уютно вписывается в кресло. Он закрыл глаза, и, развлечения ради, вызвал в памяти этюд Ринка, 1923 год, белые начинают и выигрывают. Баркову здесь было интересно не столько решение, сколько сам процесс: он построил позицию в своём «дворце памяти» и теперь ходил по комнатам, переставляя фигуры. Эти шахматные фигуры, поселившиеся здесь ещё в студенчестве, имели собственные характеры: король пах старой кожей и чем-то горьким, ферзь — ландышами и свежестью, пешки — мокрой глиной, которую месили перед обжигом. Барков не знал, почему это работает именно так — возможно, его синестезия достигла той степени совершенства, когда мозг перестаёт различать сенсорные модальности и свободно переводит числа в запахи, а формулы — в осязаемые текстуры. А возможно, это был побочный эффект многолетнего использования мнемонических техник, которые физики в узких кругах называют «эффектом Зиганова» — спонтанной корковой реорганизацией при хронической перегрузке гиппокампа. Научная статья на эту тему, написанная им самим три года назад, так и не была опубликована — рецензенты единодушно сочли её «слишком фантастической для серьёзного журнала». Барков тогда обиделся, но потом махнул рукой — непубликуемая статья работала не хуже опубликованной.

— Андрей Максимович, вы опять решаете задачи, которых нет в природе? — раздался голос от двери.

Он открыл глаза.

Ирина Гамова стояла на пороге, иронично улыбаясь. За её спиной в коридоре мерцали индикаторы дронов-пауков, проверявших утренний протокол.

— Они есть в природе, Ирина Владимировна, — ответил Барков, не поворачиваясь, — просто природа их ещё не нашла.

— А вы нашли?

— Я нашёл способ, как к ним подобраться. Это не одно и то же.

Гамова подошла к столу, села в соседнее кресло, и полимер подстроился под её фигуру. Её темные, почти чёрные волосы были небрежно, но тяжело собраны на затылке, открывая чистый высокий лоб — там, казалось, теснились формулы и латинские цитаты. Карие глаза смотрели из-под тяжёлых, нависающих век с той ленивой пронизательностью, которая бывает у кошек, наблюдающих за мышью. Её интеллект не прятался в острых углах лица — он разливался по всей поверхности ровным, тёплым, неотступным светом. Она была старше Баркова на пять лет, но разница в возрасте давно стёрлась в совместной работе, острых дискуссиях и ночных бдениях в лаборатории. Их связывало нечто большее, чем дружба — взаимное признание права на ошибку. В научном мире это дороже крови.

— А чем вы занимаетесь, когда не думаете о физике, Ирина Владимировна? — спросил Барков. — Я, например, постоянно прокручиваю в голове формулы, даже во сне. Вы тоже? Или у вас есть... другое?

— Есть и другое, — после небольшой паузы, словно раздумывая, надо ли об этом говорить, ответила Гамова, — Я до сих пор читаю бумажные книги.

Барков поднял бровь.

Бумажные? Где вы их берёте? Их же не производят уже лет сто.

Есть целое сообщество энтузиастов — сканируют, реставрируют, передают друг другу. В основном, это — поэзия.

Барков задумался, потом сказал:

— Знаете, Ирина, я никогда не понимал этого. Искусства в целом. Стихов, картин, музыки — всей этой... — он поискал слово, — избыточности. Формула совершенна. А стихотворение — нет. В нём всегда есть что-то лишнее или чего-то не хватает. Зачем вам это?

Гамова откинулась в кресле.

— Вы хотите поговорить об искусстве? Сейчас?

— Почему нет?

— Хорошо. Тогда слушайте, Андрей Максимович. Я дам вам своё определение, а вы попробуете его оспорить. Искусство сейчас — это любая человеческая активность, которая преобразует данность в смысл через форму, вызывающую эстетический отклик. И которая делает это с осознанием своей связи с другими.

— Громоздко, — сказал Барков.

— Зато точно.

— Но при чём здесь бумажные книги? Это же музейный реликт. Сейчас всё иначе. Любой может заказать себе эмоциональный сценарий прямо в имплант. Искусство - это услуга — как массаж или сеанс психотерапии.

— Вот именно, — Гамова подалась вперёд. — Искусство стало услугой. Исчезли материальные носители искусства. Нет картин на стенах, нет книг на полках, нет музыкальных инструментов. Всё — цифровые данные. Нейросенсорные потоки, подаваемые прямо в кору. Всё синтезируется в реальном времени. И тогда где автор? Где зритель? Если я могу получить любую эмоцию по запросу, то это уже не искусство, а наркотик. Настоящее искусство идёт в другую сторону.

В какую?

— В сторону сопротивления. Чем более виртуальным и «удобным» становится мир, тем больше ценится неудобное. Истинное искусство теперь — это намеренно аналоговое, намеренно несовершенное, намеренно требующее усилий. Керамика, вылепленная руками, в мире, где любой предмет можно синтезировать. Танец, исполняемый живым телом, в мире, где голограммы двигаются идеально. Стихи, записанные чернилами на бумаге, в мире, где нейросети генерируют сонеты за микросекунду. Это искусство выполняет функцию сохранения того, что может исчезнуть. Не как музейный экспонат, а как живая практика. При этом оно не элитарно. Наоборот, оно демократично именно потому, что для него не нужна дорогая техника. Нужны руки, голос, тело. И немного времени. А время, время жизни — это и есть единственная настоящая роскошь. Не так ли?

— А если искусство будет создаваться без человека? — спросил Барков неожиданно. — Если общий искусственный интеллект достигнет уровня, когда он начнёт создавать произведения для себя? Не для людей. Просто так — как спонтанная активность сложной системы. Мы даже не сможем оценить это искусство, потому что оно будет оперировать категориями, недоступными нашему восприятию. Сверхбыстрые временные структуры. Многомерные семантические пространства. Цвета за пределами видимого спектра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.